

Шильдер Николай Карлович

**Император Александр Первый,
его жизнь и царствование**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н63

Н63 **Николай Карлович Ш.**
Император Александр Первый, его жизнь и царствование / Шильдер Николай Карлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 438 с.

ISBN 978-5-521-31161-3

ISBN 978-5-521-31161-3

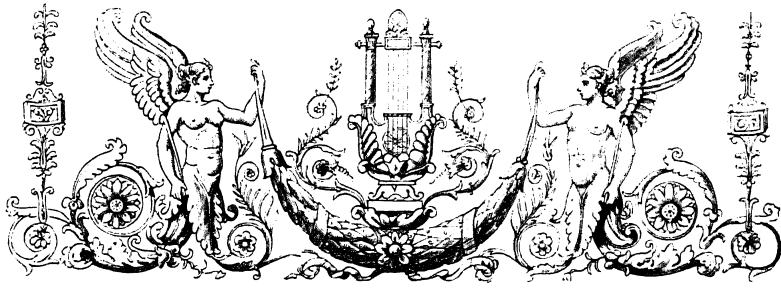
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

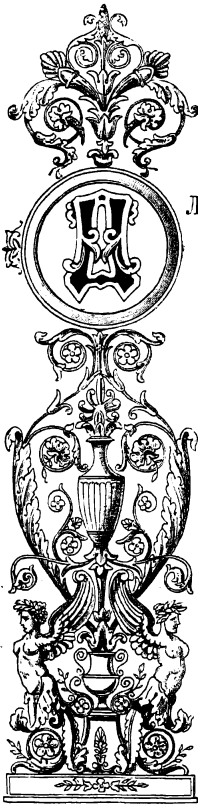
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА

ДЛЯ УДОБНѢЙШАГО обозрѣнія событій царствованія императора Александра можно раздѣлить государственную дѣятельность его на три рѣзко разграниченные между собою періода.

Первый періодъ обнимаетъ собою время отъ 1801 до 1810 года. Ему присвоиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. Вникая ближе въ духъ этого періода, вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній. Дѣйствительно, за это время, то есть, съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ непрерывныя колебанія какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Всѣ эти явленія обуславливаются исключительно одною личностью императора Александра, обладавшаго свойствомъ нерѣдко колебаться въ одно и то же время между двумя совершенно различными настроеніями, безъ всякой послѣдовательности въ и рѣшительномъ имъ разѣ направленіи.

Второй періодъ продолжается съ 1810 по 1816 годъ и по внѣшнему своему смыслу всецѣло сосредоточивается на борьбѣ съ Франціею. Этотъ періодъ, въ противоположность предшествовавшему, олицетворяетъ собою настойчивое преслѣдованіе одной господствующей мысли, доведенной съ замѣчательной послѣдовательностью до конца—примѣръ, едва ли не единственный во все царствованіе Александра I. Неожиданно для всѣхъ, къ удивленію всего міра, онъ явилъ себя въ 1812 году непоколебимымъ и рѣшился быть или не быть. Между тѣмъ Наполеонъ, готовясь къ вторженію въ Россію, основывалъ свои политическіе и военные расчеты на мнимою слабохарактерности Александра. Въ этомъ отношеніи сокровенныя мысли завоевателя сходились съ тайными расчетами его союзниковъ: Меттерниха и Гарденберга. Всѣмъ этимъ тремъ недругамъ Россіи пришлось однако неожиданно испытать полное разочарованіе. Мысль Александра, которую онъ тогда неуклонно преслѣдовалъ, заключалась въ низложеніи Наполеона. «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать», сказалъ Александръ въ самый разгаръ войны съ своимъ гениальнымъ соперникомъ и оставался вѣренъ этой мысли до полного ея осуществленія, даже среди всѣхъ невзгодъ, сопровождавшихъ эту безпримѣрную въ лѣтописяхъ міра борьбу.

Третій періодъ, начинающійся въ 1816 году, оканчивается смертью императора Александра въ 1825 году. Историки обыкновенно присвоиваютъ этому періоду наименованіе періода конгрессовъ и охраненія установленнаго ими порядка въ Европѣ. Вѣрнѣе и ближе къ истинѣ назвать это послѣднее десятилѣтіе періодомъ реакціи.

Послѣ низложенія Наполеона императоръ Александръ представляетъ собою усталаго мученика, колеблющагося между возрастающимъ вліяніемъ Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости. Среди начинающейся съ 1816 года реакціи можно еще въ первое время прослѣдить присутствіе яркихъ проблесковъ юношескихъ увлеченій и мечтаній. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить рѣчь, произнесенная въ 1818 году государемъ при открытіи польскаго сейма. Но съ 1820 года замѣчается уже полное исчезновеніе всѣхъ прежнихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ онъ нѣкогда стремился съ искреннимъ увлеченіемъ. Къ этому душевному настроенію присоединяется еще окончательное утомленіе жизнью (*un incurable dégoût de la vie*), признаки котораго Меттернихъ подмѣтилъ въ императорѣ Александрѣ уже въ 1822 году во время конгресса въ Веронѣ.

Входя въ ближайшій разборъ поименованныхъ нами трехъ разграниченныхъ между собою періодовъ этого царствованія, нужно отмѣтить еще одну своеобразную черту характера императора Александра. Меттернихъ называетъ это явленіе періодичностью возрѣвній императора (*les évolutions périodiques de son esprit*)¹. Она повторялась съ поразительною послѣдовательностью приблизительно черезъ каждыя пять лѣтъ его царствованія. Дѣйствительно, Александръ, усвоивъ себѣ по вдохновенію какую нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ

увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣрнѣ избранной системѣ, все болѣе привязываясь къ ней, слухать съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить мысли о возможности произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовый исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній.

Для подтвержденія справедливости подобнаго воззрѣнія на характеръ императора Александра достаточно остановиться на нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ, ознаменовавшихъ его царствованіе.

Вступивъ въ 1801 году на престолъ, Александръ выступает на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту; но когда послѣдній сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, отношенія къ нему Александра сразу измѣнились; онъ обращается въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго типана всемірной исторіи. Эти непріязненные чувства Александра продолжаютъ съ каждымъ годомъ возрастать и превращаютъ его окончательно въ ожесточеннаго врага Наполеона, какъ деспота и завоевателя. Обусловленная этими чувствами политика получаетъ полное развитіе въ дѣйствіяхъ вдохновляемой имъ коалиціи 1805 года. Послѣ Аустерлицкаго погрома истекаетъ первое пятилѣтіе царствованія государя, и подготавливается новая перемѣна въ его воззрѣніяхъ.

Въ исходѣ 1806 года, Александръ вторично вступаетъ въ борьбу съ Наполеономъ, на этотъ разъ уже единоличную, но Фридландское пораженіе 1807 года даетъ новое направленіе русской политикѣ и вызываетъ рѣшительный переломъ въ образѣ мыслей Александра. Происходитъ Тильзитское соглашеніе, и Наполеонъ дѣлается единственнымъ другомъ и союзникомъ русскаго императора. Тѣмъ не менѣе, въ 1809 году, по окончаніи войны съ Австріею, сочувствіе Александра къ Наполеону оказывается уже сильно поколебленнымъ, дружба принимаетъ сомнительный характеръ, и все предвѣщаетъ новый разрывъ съ Франціею.

Съ 1810 года отношенія между тильзитскими союзниками окончательно разстраиваются; Александръ приходитъ къ заключенію, что онъ не можетъ царствовать одновременно съ Наполеономъ, и въ 1812 году разыгрывается воинственная эпопея, заканчивающаяся только въ 1815 году окончательнымъ низложеніемъ французскаго императора.

Вѣнскій конгрессъ создаетъ новую политическую обстановку. Александръ придумываетъ Священный Союзъ, и Россія, сокрушивъ французскую имперію, силою своихъ же побѣдъ становится во главѣ реакціи

въ Европѣ. Но въ умѣ Александра еще не померкли совершенно прежніе идеалы гуманности и свободомыслія, получившіе только отъѣнокъ чуждаго ему въ прежніе годы христіанскаго мистицизма. Это настроеніе государя продолжается съ большими или меньшими колебаніями въ ту или другую сторону до 1820 года.

Со времени же Тропаускаго конгресса Александръ превращается въ безусловнаго и страстнаго поборника самыхъ крайнихъ консервативныхъ принциповъ легитимизма и дѣлается открытымъ врагомъ всякаго народнаго движенія, клонившагося къ видоизмѣненію существовавшаго политическаго устройства; подобное воззрѣніе примѣняется государемъ даже и къ христіанскому населенію Востока, изнемогавшему подъ варварскимъ мусульманскимъ игомъ. При такомъ воззрѣніи на событія и при связанномъ съ нимъ одностороннемъ направленіи политическихъ дѣлъ интересы Россіи отходятъ на задній планъ, и за русскою арміею, по собственному выраженію императора Александра, упрочивается значеніе одной изъ дивизій великой арміи порядка (*de la grande armée de la bonne cause*). Въ исходѣ 1822 года, послѣ Веронскаго конгресса, Александръ признается уже Меттерниху въ томъ, что вся его жизнь, насколько зависить отъ него, посвящена заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы (*au bien être réel de la chose publique Européenne*). Что же подразумѣвалось подъ громкимъ наименованіемъ преуспѣянія общественнаго блага Европы? Оно заключалось въ тѣсномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи и въ предназначенія всѣхъ громадныхъ силъ этихъ трехъ государствъ для укрощенія стремленій народовъ, направленныхъ къ видоизмѣненію ихъ политическаго положенія, гдѣ бы эти попытки ни проявляли своего существованія.

Подобное направленіе политическихъ идей императора Александра не имѣетъ уже ничего общаго съ мыслями, занимавшими его даже въ пору Отечественннй войны, когда онъ среди приготовленій къ предстоявшей борьбѣ съ Франціею мечталъ еще о возрожденіи либеральныхъ идей въ Европѣ и предохраненіи несчастнаго человѣчества отъ угрожаваемаго ему варварства. «*C'est la dernière lutte de l'indépendance contre l'asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie*», вотъ въ какихъ выраженіяхъ Александръ опредѣлитъ значеніе 1812 года, когда Наполеонъ уже перешелъ Нѣманъ, и, конечно, эти мысли не имѣли ничего общаго съ позднѣйшими идеями творца Священнаго Союза.

Кончина императора Александра въ 1825 году прерывала предстоявшее дальнѣйшее и неизбѣжное видоизмѣненіе взглядовъ, ознаменовавшихся собою послѣднее печальное пятилѣтіе столь богатаго потрясающими событіями царствованія. Трудно опредѣлить, какой характеръ получило бы слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе, если бы жизнь Александра не прервалась столь внезапно. Сказать можно только то, что въ то время существовали зачатки чего-то новаго... но едва ли эта предстоявшая новизна обрадовала бы Россію...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ПЕРВОМЪ часу пополудни съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) марта 1801 года графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла.

Горестъ Александра Павловича была неописанная; онъ заливался слезами... Въ это самое время князь Платонъ Александровичъ Зубовъ разбудилъ цесаревича Константина Павловича и привелъ его къ воцарившемуся императору.

Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. «C'est assez faire l'enfant», сказалъ Паленъ, «allez régner, venez vous montrer aux gardes»². — Исполнивъ желаніе военнаго губернатора, новый государь, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, отбылъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа пополудни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Императрица Елисавета Алексѣевна осталась въ замкѣ утѣшать вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну³.

Въ Зимній дворецъ призванъ былъ немедленно отставленный 14-го октября 1800 года отъ службы Дмитрій Прокофьевичъ Тропинскій. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «Будь моимъ руководителемъ!» Ему поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра Перваго.

Манифестъ возвѣщаетъ слѣдующее: «Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго Родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоростпжно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наследственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ куюно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Божѣ почивающей Августѣйшей Бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицомъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на насъ лежащаго».

Этимъ немногими словами, вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенія, Тропинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искреннѣйшею любовью къ молодому императору и успокоилъ умы, взволнованные еще пережитыми тяжелыми днями.

Присяга новому императору и наследнику, «который назначенъ будетъ», совершилась повсюду утромъ 12-го марта въ величайшемъ порядкѣ⁴. Среди всеобщаго ликовапія всѣхъ сословій задумчивымъ и печальнымъ оставался одинъ Александръ. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатлѣніе. На выходѣ 12-го марта поступъ его и осанка изображали человека, удрученнаго горестью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Вспоминая впоследствии въ откровенныхъ бесѣдахъ о событіяхъ 1801 года, Александръ говорилъ, что онъ долженъ былъ тогда скрывать свои чувства отъ всѣхъ его окружающихъ и потому нерѣдко запирался въ отдаленномъ покоѣ и тамъ, предаваясь скорби, испускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ⁵. Въ его сознаніи царская власть, которую онъ принялъ на себя столь неохотно, являлась однимъ тяжелымъ бременемъ. Видъ огорченнаго императора-сына покорилъ ему сердца всѣхъ. «Послѣ четырехъ лѣтъ», пишетъ современникъ этой эпохи, «воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена»⁶.

Близкое къ Александру лицо написано на другой день постѣ восшествія его на престолъ по поводу событія 12-го марта слѣдующія правдивыя строки: «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною... Только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія можетъ поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту имперію... Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества; грустно, что это даже не можетъ удивлять... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россією»⁷.

Эти слова любящаго его человѣка оказались пророческими. Дѣйствительно, чувствительная душа Александра навсегда осталась растерзанною событіемъ 12-го марта, и воспоминаніе о немъ не покидало его болѣе ни въ радостныя, ни въ печальныя минуты его царствованія, оно наложило неизгладимую печать на всю его послѣдующую жизнь. «Всѣ неприятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить, какъ крестъ», — сказалъ императоръ Александръ⁸.

Вся мыслящая Россія встрепенулась при извѣстіи о воцареніи Александра. «Всѣ умы и сердца успокоились», пишетъ А. С. Шишковъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма, человѣка, который четыре года, не вѣдая что творить, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство⁹. На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Природа какъ бы участвовала въ общей радости: до 12-го марта погода была сырая и пасмурная, съ воцареніемъ же Александра засіяло солнце надолго¹⁰.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость. Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго государя: молодой, прекрасный собою, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ могъ очаровать всѣхъ. Россія увидѣла исполненіе пророческаго Державинскаго стиха:

«Будь на тронѣ человѣкъ».

Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ, разсѣялись, какъ зловѣщія призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность. Уповалъ и Александръ, что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, лучшія силы, замолить грѣхъ, совершенный чужими руками, а затѣмъ, благословляемый народомъ, исполнивъ завѣщанныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнцомъ, который сдѣлался для него неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній.

Графъ Завадовскій въ своей перепискѣ посвятилъ оцѣнкѣ событій 12-го марта нѣсколько своеобразныхъ строкъ: «Жиды чають мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно¹¹.... благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ темныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангелъ съ стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣрай потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя... возблагословимъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!»¹².

Карамзинъ оставилъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» правдивую и неподражаемую характеристику правленія Павла, пронесшагося, по его словамъ, надъ Россіею подобно грозному метеору. «Павелъ», пишетъ Карамзинъ, «воспелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и въ слѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россияне имѣли уже Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. — Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизяснимому изумленію россиянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнял стыдъ у казни, у награды — прелесть; унижалъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благодѣянію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ, соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иностранцевъ, россияне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умоляли единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности¹³. Вотъ дѣйствіе Екатеринына человѣколюбиваго

Императоръ Александръ I въ 1802 году.

Съ портрета, писаннаго Вуалетъ.

царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство, мудрое, законное, основанное на справедливости... Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его августѣйшаго семейства,

тужили еще нѣкоторые нмѣ облагодѣльствованные, но какіе люди? Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости должноствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная наконецъ свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію!» Въ заключеніе своей характеристикъ Карамзинъ говорить, что россияне съ величайшею надеждою устремили взоръ на внука Екатерины, давшего обѣтъ властвовать по ея сердцу.

Графъ Ростопчинъ высказалъ не менѣе правдивый приговоръ истекшему грозному четырехлѣтію въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. Удалившись еще при жизни Павла въ деревню Вороново, Ростопчинъ писалъ: «Тридцать благодѣяній, оказанныхъ мнѣ въ четырехлѣтнее царствованіе, закрываютъ мнѣ уста, преисполнивъ душу мою вѣчною признательностію; похвала же моя его добрымъ качествамъ будетъ казаться пристрастною. Исторія безусловно отнесется къ нему съ безопадностію, но я могу засвидѣтельствовать только одно, что этотъ государь, обладая всѣми средствами славно царствовать и заставить любить себя, никогда не пользовался ни одною минутою счастья и кончилъ такъ же несчастливо, какъ прошла вся его жизнь»¹⁴.

Нѣсколько дней послѣ кончины императора Павла петербургское общество читало нарасхватъ французскіе стихи, которые ходили по рукамъ и отличались правдивостію содержанія и вѣрной оцѣнкой характера сошедшаго въ могилу самодержца¹⁵.

On le connut trop peu, lui ne connut personne;
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant, même sans la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourrut malheureux!

Повсюду въ Россіи манифестъ 12-го марта возбудилъ неподдѣльную радость; у всѣхъ отлегло на сердцѣ, и присяга совершалась во всѣхъ городахъ съ несказаннымъ восторгомъ.

Въ Москву манифестъ былъ привезенъ 15-го марта княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Долгорукимъ; вмѣстѣ съ нимъ прибылъ новый оберъ-полиціймейстеръ Каверинъ, ненавистный же всѣмъ генералъ Эртель былъ отставленъ отъ службы высочайшимъ приказомъ отъ 12-го марта. Независимо отъ манифеста императоръ Александръ прислалъ еще фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Иванъ Петровичъ! Всевышнему угодно было пресѣчь жизнь Государя Родителя Нашего, скончавшагося въ минувшую ночь скоропостижно апоплексическимъ ударомъ, и Мы, вступя на прародительскій престолъ, поспѣшаемъ извѣстить васъ о томъ для объявленія всѣмъ вѣр-